

Пролог

Джемма

Наш разговор должен был быть другим.

По дороге домой я прокручивала каждое слово, которое подумывала сказать. Представляла, как оно рождается: сначала в моей голове, потом на устах. Какой силой и смелостью будет обладать, когда слетит с губ и долетит до его ушей.

Я знала, что собиралась сказать. И также знала, что он скажет в ответ. У меня был *план*.

И из-за огромного количества стресса, который я не была в состоянии контролировать, появилась присущая мне тревожность. Так было со времен подросткового возраста, а с годами стало только хуже. Я загоняла себя в рамки, составляла планы и списки действий. Ставила перед собой цели, а когда достигала их, то праздновала достаточно долго, чтобы решить, за что браться дальше по списку.

Все дело в контроле.

Кэнди Стайнер

Так что в отличие от обычных женщин, которые узнают об изменах мужа, я не плакала, не кричала и не швыряла вещи через всю комнату, когда правда всплыла на поверхность. Вместо этого я составила список, когда начала подмечать первые признаки его неверности. И постепенно вычеркивала каждый пункт со странным чувством страха и удовлетворения.

Запах чужих духов на его рубашке? Есть.

Сообщения с неизвестного номера, которые появлялись на нашем общем компьютере без ведома моего невежды-мужа, но исчезали с его телефона? Есть.

Оплата номера в отеле по карте, о которой я понятия не имела и узнала лишь благодаря письму, найденному в нашем бирюзовом почтовом ящике? Есть.

К слову, мы красили его вместе. Это был первый пункт в моем списке после покупки дома. Мы оба испачкались в бирюзовой краске — тогда, в магазине, я влюбилась в этот цвет, но теперь, спустя время, возненавидела.

Но в день, когда мы красили этот ящик, мне было все равно.

В тот день мой муж поцеловал меня в губы, забрызганные краской, и сказал, что будет любить до самого конца.

И я поверила ему.

Мой муж был из тех мужчин, что смотрят на своих женщин с восхищением и говорят им приятные слова. Я была убеждена, что, если бы броси-

Нечестная игра

ла его в яму с великолепными супермоделями, он не смотрел бы на них так, как на меня, не говоря уже о том, чтобы прикоснуться к ним. Более того, он бы искал меня и выкрикивал мое имя.

За все время отношений я верила каждому его слову — что может показаться глупостью. Поверила, когда он со слезами на глазах просил меня выйти за него замуж и даже когда однажды за завтраком пообещал, что сделает меня самой счастливой девушкой в мире. Не было никаких оснований уличить его во лжи. И не было никаких причин предвидеть предательство.

Однако...

Последним пунктом в моем списке подозрений на измену стало доказательство того воочию. Электронные письма, сообщения и возвращение домой поздними ночами без алиби, вне всякого сомнения, намекали на это. И все же я не верила до тех пор, пока не проследила за ним, пока собственными глазами не увидела, как он держит другую женщину за руку так же, как когда-то держал меня. Как целует ее и улыбается ей, как когда-то мне.

И когда этот пункт также был отмечен галочкой, я уже не плакала. Не кричала. Не разбрасывала вещи, хотя подумывала вдавить каблуком в педаль газа и подъехать к тому месту, где они стояли, целуясь и смеясь, и бросить перед ним все его вещи.

Но вместо того, чтобы позволить эмоциям разрушить меня, я сделала то, что умела лучше

Кэнди Стайнер

всего. Что делала всю свою жизнь — составила план.

Сфокусировалась на том, что могла контролировать.

На самой себе: я контролировала слова и поступки. Кому рассказать о случившемся, как наши семьи узнают о его измене и как будет протекать бракоразводный процесс. Кто и что после него получит, кому и какие активы достанутся и где каждый из нас останется, когда наши подписи будут стоять на холодных, безжизненных листках бумаги, которые положат конец нашему раннему браку.

Я собралась контролировать свои накаленные эмоции, пока буду сообщать ему о том, что знаю.

Возможно, именно поэтому, когда я сидела за столом напротив мужа, мое сердце громогласно, быстро и сильно стучало в ушах, угрожая вырваться прямо из груди. И, наверное, поэтому мое дыхание было прерывистым, а глаза сухими от пристального взгляда. У меня не было сил произнести хотя бы слово из тех, которые я так долго планировала сказать.

У меня был план. Я продумала ход разговора. Держала все под контролем.

Я знаю о ней. Знаю, что ты натворил. Я ухожу. Между нами все кончено.

Однако моя поразительная способность все контролировать и составлять списки исчезла, как только я села за наш кухонный стол с мужчиной, который лгал мне годами.

Нечестная игра

Потому что он заговорил первым.

И все изменилось.

— Джем, — прохрипел он, его голос сломался под тяжестью слов. — Джемма, ты меня слышишь?

— Да-да, — сумела вымолвить я.

Мой голос напоминал его: такой же хриплый и сломленный, пронизанный страхом. Конечно же, он посчитал, что это все из-за его шокирующей новости. Мой печальный, измученный муж решил, что разбил мне сердце неожиданным известием. Вот только меня пугало совсем другое. Я оплакивала свой разрушенный план, который, как думала, будет иметь успех.

Теперь же у меня не было никакого плана.

Теперь мой муж-изменник и его тайная возлюбленная не являлись центром данного разговора.

Теперь мой муж-изменник оказался болен раком.

С которым нет смысла бороться.

Болезнь быстро убивала его.

И он скоро умрет.

«Все в порядке», — пыталась я убедить саму себя, прижимая руки к груди так, что чувствовала биение сердца о ребра. *Просто придумай новый план.*

Но, как и в случае с моей особой тревожностью, мои планы часто не срабатывали, тем самым ставя меня в затруднительное положение. Внезапно все, что, как мне казалось, я держала

Кэнди Стайнер

на поводке, сорвалось. И как бы я ни пыталась себя успокоить — не получалось. Каждый раз, когда случалось подобное и мой план проваливался, — эмоции побеждали, а мозг отключался. Весь здравый смысл ускользал, как песок сквозь пальцы.

— Пожалуйста, — прошептал он, обхватывая ногами мой стул и притягивая меня ближе. Деревянные ножки издали ужасный скрип о пол, от чего по телу от лодыжек до позвоночника прошло неприятное вибрирующее ощущение. — Не плачь, мое сокровище¹. Все будет в порядке. У нас все будет хорошо.

Он обнял меня, прижимая мою голову к своей груди и глядя рукой по спине. Той же рукой, которой прикасался к другой женщине. И мне хотелось оттолкнуть его так же сильно, как и остаться навсегда в его объятиях.

Он собирался покинуть меня. Он собирался покинуть этот мир.

Мои слезы будто лились по кому-то другому, пропитывая его свитер. И я пыталась разгадать их причину. Однако не потребовалось много времени, чтобы окунуться в водоворот их источников, подобных водопаду из льдинок, которые тают с первыми лучами весеннего солнца.

Мой муж изменил мне.

Он полюбил другую женщину.

¹ Слово gem (англ.) — сокровище, пишется так же, как сокращенное имя главной героини Gem (Gemma) — Джемма.

Нечестная игра

И вдобавок я останусь одна, поскольку потеряю его.

Вот только теперь не из-за его неверности. Мое одиночество не будет связано с гордостью, требующей не прощать его измену.

Вместо этого он покинет этот мир, а я останусь оплакивать его вместе с той самой любовницей.

Возможно, я плачу потому, что, несмотря на свой план, я тайно молилась, чтобы он воспрепятствовал ему. Наверное, часть меня просто вообразила, что я брошу его и уйду с высоко поднятой головой. В то время как он будет умолять меня остаться, обещая порвать со своей любовницей, потому что наш брак значит для него намного больше, чем она.

Как бы то ни было, сейчас это не имеет никакого значения.

Сейчас у меня есть муж-изменник, который никогда не узнает, что я в курсе его измены.

Потому что я ни за что ему об этом не скажу.

Почему? Учитывая тяжелый удар судьбы в лице неизлечимого рака, был ли смысл оставлять его одного бороться с болезнью последние недели жизни? Был ли смысл говорить ему, что я знаю о другой женщине, лишь ради удовлетворения желания контролировать все, и бросить ему в лицо доказательство измены со словами: «Ха! Я знаю о твоих шашнях!»?

У смерти есть забавный способ показать нам жизнь. И то, что когда-то было важно для меня —

Кэнди Стайнер

потребность доказать его проступок, за которую я так крепко держалась по дороге домой, — теперь не имело значения. Кроме одного.

Я любила его.

Данное чувство было легко определить.

И поскольку любовь — единственное, за что я могла по-настоящему ухватиться, то крепко держала ее в руках, до боли сжав пальцы в кулак. Карло Манчини — мой муж, а я — его жена. Он — мое все и до сих пор таковым остается, независимо от того, с кем он делил постель. Я высвободилась из его объятий и поцеловала в губы — те самые, которые, как думала, будут принадлежать только мне, — и сказала, что люблю его. Сказала, что буду рядом. Затем взяла за руки и пообещала, что не оставлю его.

И я оставалась рядом до последнего дня.

Где-то в этом смутном, быстротечном промежутке времени, мне кажется, часть меня умерла вместе с ним.

Я наблюдала, как рак постепенно забирал моего некогда сильного мужа, превращая его в кожу да кости. Видела, как его серые глаза тускнеют, губы становятся пепельно-бледными, а руки — слабыми, пока я крепко сжимала их в своих. Каждый день, глядя в зеркало, я замечала, как мой взгляд меняется, становясь безжизненным. Всего за несколько недель, — которые казались вечностью, хотя пролетели в мгновение ока, — двадцатидевятилетняя девушка превратилась в пожилую женщину.

Нечестная игра

И в день похорон я наблюдала за более молодой и привлекательной девушкой, которая оплакивала его, сидя на заднем ряду в церкви.

Она плакала по той же причине, что и я, хотя готова поклясться, ее сердце горевало больше моего. Потому что она имела счастье быть той женщиной, без которой он не мог прожить — настолько, что даже был готов рискнуть своим браком, своей репутацией и жизнью, которую построил. Она не сомневалась, что является центром его вселенной и последним, что тот видел перед собой, прежде чем ушел в мир иной.

Я же не ощущала того же.

У меня осталась запеканка от соседей, страховка от адвокатов и дом, полный вещей, которые пахли им. Также у меня имелся первый взнос за квартиру в центре города, который я оформила, когда подумывала уехать подальше от своего мужа-изменника. В груди, там, где обычно бьется сердце, образовалась пустая дыра, а в душе вместо цветов любви начали расти сорняки.

Мой секрет медленно съедал меня заживо, обитая в темных, никому не доступных чертогах разума.

Поэтому я разработала план.

Чтобы сохранить контроль над будущим, сердцем, душой, собственным благополучием и жизнью после смерти мужа, я должна была устранить факторы, которые не поддавались контролю. Это казалось так просто.